

18+

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

**ДЕВУШКИ,
КОТОРЫЕ
РЕШАЮТ**

Виктор Колюжняк

Девушки, которые решают

«Издательские решения»

Колюжняк В.

Девушки, которые решают / В. Колюжняк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512636-8

Да, чаще всего это девушки. Изредка попадаются, конечно, и юноши, но юноши обычно предпочитают командовать, исполнять или проводить длительное время в долгих и вдумчивых переговорах, выясняя, кто будет командовать, а кто исполнять. А девушки в это время «решают». Они организуют, контролируют, прикрикивают, увещевают, составляют планы, раздают поручения и тут же делают множество всего сами, боясь, что поручения останутся невыполненными и порушат планы.

ISBN 978-5-00-512636-8

© Колюжняк В.
© Издательские решения

Содержание

(вместо предисловия)	6
П-Н-Б	7
Букварь Янки	16
Город засыпает	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Девушки, которые решают

Виктор Колюжняк

© Виктор Колюжняк, 2020

ISBN 978-5-0051-2636-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(вместо предисловия)

Да, чаще всего это девушки. Изредка попадаютсся, конечно, и юноши, но юноши обычно предпочитают командовать, исполнять или проводить длительное время в долгих и вдумчивых переговорах, выясняя, кто будет командовать, а кто исполнять.

А девушки в это время «решают».

Они организывают, контролируют, прикрикивают, увещевают, составляют планы, раздают поручения и тут же делают множество всего сами, боясь, что поручения останутся невыполненными и порушат планы.

Наверняка в каждой компании есть такая девушка. А может их несколько, и они по очереди передают друг другу бразды правления всеобщей или даже просто чьей-то непутёвой жизнью. Иногда и вовсе отходят в сторону, пытаюсь «решать» для себя, но стоит им лишь взглянуть, как неумелыми руками всё отправляется напрямик в пропасть или попросту стоит на месте, и они, вздохнув, подхватывают эти бразды и, стиснув зубы, пытаются сдвинуть или спасти от неминуемой гибели. Получив, разумеется, кучу упрёков в том, что «так долго», что «нельзя было сделать сразу» и много ещё всяких «что».

Те, кто «решают», всегда получают упрёки.

Эти девушки, разумеется, разные. Одни говорят тихими голосами мудрости и разума. Другие бьют гаечным ключом здравого смысла. Третьи метко стреляют единственно верными выходами из ситуации. Но у всех них плечи – не важно, худенькие, сильные или ещё какие, – в скрытых мозолях, от громоздких и неудобных чужих проблем. В их глазах тщательно спрятанная усталость. В залатанных сердцах осколки разорвавшихся чужих обид и застрявшие на века ядовитые плевки.

Не каждая девушка может быть той, которая «решает», но если вы видели хотя бы одну, то легко узнаете их среди толпы.

Можно было бы сказать, что эти девушки – ангелы-хранители, посланные на Землю, чтобы оберегать и защищать, но это не так. Одна из причин в том, что они встречаются от Крайнего Севера до Жаркого Юга, и бывают разных национальностей и вероисповеданий. Вторая состоит в том, что они очень часто незаметно для себя становятся наркотиком, на который подсаживают всех вокруг. И когда этим «всем вокруг» потом заявляют, что теперь-то они сами за себя в ответе и хотя бы частью проблем должны заняться самостоятельно – у них начинается ломка.

Наркотик «девушки, которые решают» – не убивает, но вызывает стойкое привыкание едва ли не с первого раза.

Как и все девушки, они любят конфеты, вкусные напитки, цветы, украшения, парфюм, модные наряды, посещение косметологов и массажистов. Однако лучшим подарком для них, разумеется, является совсем другое. Чтобы обрадовать, достаточно просто попросить посидеть в сторонке и отдохнуть. И заняться делом самому. Девушки будут порываться помочь, а то и вовсе пытаться отстранить, но не надо поддаваться такому искушению. Не стоит путать силу привычки, с искренним желанием. Вновь усадите и продолжайте заниматься сами. И вы увидите, как наконец-то чуть расправятся плечи, избавившись от части проблем; как глаза прояснятся, засветившись спокойствием; как на губах заиграет тихая и ясная улыбка.

Для них нет ничего лучше, чем хоть чуть-чуть побыть «девушкой, которая ничего не решает».

П-Н-Б

У меня три отца. Мы живём в собственном доме неподалёку от небольшого провинциального города. Я умею слушать и делать выводы. Из обрывков фраз, найденных записей и недомолвок я построила теорию о том, что скоро должно что-то случиться. И мне это не понравится.

Сейчас вечер. Два отца уходят в город на прогулку, а Папа-П сидит на крыльце. Я сажусь рядом, и мы долго смотрим через поле, пока фигуры не скрываются за высокой травой.

– Сыграем в монополию, Алина? – спрашивает Папа-П.

– Давай.

Мы идём в дом, чтобы пить морс, играть в монополию и вести себя как обычная семья. Притворство часто входит в привычку.

* * *

Позже, когда коробка с игрой занимает место на верхней полке старого стеллажа, мы опять сидим на крыльце. Папа-П покачивается в кресле, укрывшись пледом, и читает газету. Это ещё больше подчёркивает его старость, выделяет пепельно-белую шевелюру и дряблые руки, покрытые пятнами.

Я наблюдаю за ним исподволь. За покачиванием головы, будто бы в такт незримой мелодии. Губы неслышно проговаривают слова, а глаза пробегают по строчкам. Я наблюдаю за Папой-П, хотя успела изучить его больше, чем остальных отцов.

Пролетавшая муха уселась ему на шею и ползёт, продвигаясь к лицу. Папа-П даже не пытается стряхнуть её – по-видимому, слишком погружен в газету или размышления. В последнее время он часто застывает так.

Я встаю и стряхиваю муху – мне неприятно смотреть, как она ползает по отцу. Папа-П удивлённо поднимает глаза, будто очнувшись от долгого сна.

– Муха, – говорю я. – Вот здесь, – касаюсь пальцем шеи.

Отец ловит мою руку и прижимает к себе. Я чувствую, как под шероховатой кожей бьётся жилка. Ровно и спокойно, несмотря ни на что.

– Почему ты не ходишь в город? – спрашивает Папа-П.

– Неинтересно, – говорю я, хотя это ложь.

Тишина встаёт между нами на несколько секунд, стремясь разъединить. Однако получается обратное.

– Понятно, – говорит он. Молчит ещё немного, а затем решает зайти с другой стороны. – А куда подевался Клим? Он мне нравился.

– Не знаю, – пожимаю плечами и, стремясь уйти от ответа, встаю сзади отца, обнимая его.

– Жаль...

В этот раз не до конца понятно, чего именно ему жаль. Что я не хочу отвечать, или что Клим больше не появится.

Запоздало вспоминаю о том, как им нравилось обсуждать будущее. Клим вообще любил разговаривать с моими отцами. Иногда кажется, что с ним они общительней, чем со мной. Впрочем, не надо думать так. Да и ни к чему эти воспоминания.

– Прошлого не вернёшь, – пытаюсь закончить разговор.

– Прошлого не вернёшь, – эхом откликается Папа-П.

Он знает это. Больше, чем кто-либо другой.

* * *

Просыпаюсь от монотонного голоса. Громкость записи – а я знаю, что это запись – кажется, на максимуме. Спускаюсь на первый этаж, недовольно хмурясь. Вчера мы засиделись на крыльце. Сначала молча, потом разговаривая о всякой ерунде, позже Папа-П уснул в кресле, а я не стала будить. Сидела и охраняла его сон. Всё было как в детстве, только мы поменялись ролями.

Папа-Н сидит на диване и смотрит запись. Недоверчиво глядит на экран, хмурится, трёт подбородок.

– Мог бы и тише сделать. Люди спят.

Он оборачивается. Можно не смотреть ему в глаза, я и так знаю, что там увижу. Непонимание, затем недоверие, а чуть позже восхищение.

– Извини, – он сглатывает и тут же торопливо добавляет. – Алина?

– Да.

– Ты выросла, – Папа-Н осекается.

– Да, – я стараюсь говорить ровно, хотя получается с трудом. Даже от восхищения и радости можно устать, если слышать их каждый день.

Мы ещё какое-то время смотрим друг на друга, затем Папа-Н спохватывается и уменьшает громкость.

– Вот, – говорит он.

– Ага. Пойду завтрак готовить, – в этот раз добродушие выходит естественным. А может я и не притворяюсь. Всё-таки это мой отец, и у меня не получается на него долго злиться.

– А как же досыпать?

– Какое тут... Все уже проснулись.

В подтверждении моих слов сверху спускается Папа-П. Он также проходит через три стадии взгляда Папы-Н, а затем начинается разговор, который повторяется изо дня в день, с небольшими вариациями.

Иду на кухню, голоса тонут в темноте коридора. Выхожу на свет и вижу в окне, как над полем поднимается туманное облако.

Я стою у плиты и жарю яичницу с ветчиной на четыре порции. Закипает чайник. Обычное утро. Привычное до невозможности, которая, вероятно, скоро наступит.

* * *

После завтрака отправляюсь проверять цветы. Мои отцы скрылись в своём излюбленном подвале. Продолжают готовиться к тому, что скоро случится.

Я сижу возле тюльпанов, вожу пальцами по ещё не раскрывшимся бутонам и жду. Не того, что задумали мои отцы, и не чего-то неожиданного. С удивлением понимаю, что я жду Клим, хотя точно знаю: он не придёт. Ему просто незачем приходить.

Как мы перестали общаться? Не могу вспомнить, чтобы был какой-то «серьёзный разговор» или скандал. Просто однажды он позвонил, а я не взяла трубку. Некогда было и не очень хотелось. Потом он пришёл, а я притворилась спящей – слишком устала. Ещё несколько раз, и Клим перестал звонить и приходить. А когда позвонила я, мы справились о здоровье, текущих делах и договорились, что надо бы обязательно встретиться. Не прямо сейчас, конечно, а чуть позже. Как с делами разберёмся. Хотя до этого сказали друг другу, что ничем особым не заняты.

Так и не случилось последнего «прости и прощай». Тропинка, по которой перестали ходить, заросла травой. Может быть, иной раз и хочется её протоптать вновь, но лень. И ты даже не знаешь, ждут ли тебя на том конце.

Зачем Папа-П напомнил мне про Клим? Прошлого не вернуть, он ведь знает это не хуже меня, если даже не лучше.

– Ты часто тут сидишь? – голос Папы-Н вырывает меня из сна воспоминаний.

– Нет. Только когда хочется побыть в одиночестве.

– Извини, что помешал. Я не знал.

– Ничего.

Мы молчим. Я понимаю: его переполняют чувства, он хочет многое сказать, но сдерживается. Возможно, интуитивно догадывается, что я всё это не раз слышала. А может, ему до сих пор трудно смириться с тем, как выросла дочь.

– Так странно, – говорит он наконец. – Очень странно знать, что ты живёшь одним днём. Что у тебя нет никакого завтра. Потому что завтра окажется таким же, как сегодня. Оно будет другим в деталях, но по своей сути будет тем же самым сегодня. Это очень странно и... больно, что ли.

– Нет, – я качаю головой. – Странно, когда ты знаешь, что всё это не твоя вина, просто обстоятельства такие. Но ты смирился с этими обстоятельствами и дал им власть над собой. Завтра такое же, как сегодня. Это ведь так легко.

– Я... они... мы пытаемся это изменить, – голос дрожит, словно Папа-Н оправдывается.

Кажется, у меня получился смешок. Нервный и горький. Не то раздражение, не то горечь. После такого у актрис принято качать головой и снисходительно улыбаться, но я не актриса.

– Я говорю не про вас...

Отворачиваюсь, прячу лицо. Слезы текут независимо от меня. Меньше всего мне сейчас хочется плакать. Папа-Н кладёт руку мне на плечо. Неуверенно, словно опасаясь.

– Уйди, – я пытаюсь говорить как можно спокойней, но злость проскальзывает. – Уйди, пожалуйста.

Он уходит, постояв в нерешительности. Не зная, обнять и успокоить, или же предоставить самой себе. Выбирает второе. Всегда выбирает второе.

А я? Что выбираю я?

Некому ответить.

* * *

Когда я вхожу в комнату, они ожесточённо спорят и замирают, увидев меня. Почему-то считается, что меня их дела не касаются.

Папа-П прячет взгляд, словно виновен в чём-то, Папа-Н серьёзен, а Папа-Б улыбается чуть нагло.

– Пойду в город, – говорю я этим виноватым, серьёзным и улыбающимся. И добавляю, зная, что прозвучит как укор. – А то вы всё равно тут секретничаете.

– Да мы вовсе не... – начинает Папа-П, а затем вздыхает и отворачивается.

– Иди, – Папа-Б не прекращает улыбаться. – Клим привет.

Теперь моя очередь нагло смотреть. Можно спросить, с чего бы это прогулка в город равна встрече с Климом. Можно одёрнуть, заявив, что это не его дело. А можно просто отвернуться и уйти.

Интересно, почему он, меньше всего проводящий со мной времени; так и не сумевший, как мне кажется, принять такой, какая я есть; понимает лучше всех. Иногда даже лучше, чем я понимаю сама себя.

– Конечно, – отвечаю я. – От всех вас передам.

– Кто такой Клим? – спрашивает Папа-Н. Вопрос порождает неловкость, потому что для всех остальных это имя часть моей жизни.

– Клим – это Клим, – отвечаю я. – Хороший парень. Он тебе видеокамеру помогал выбирать.

– А, ясно.

Ничего ему не ясно. И ничего он не помнит. Может, и к лучшему?

* * *

В городе лето. Такое обычное лето провинциального города. Жара и уличные торговцы. Молодёжь, кучкующаяся в скверах, собирающаяся возле фонтанов и гуляющая по набережной.

Раньше я тоже гуляла, вместе с Климом и его друзьями. Своих у меня почему-то нет. Не приживаются, видимо. Поэтому сейчас я иду одна. Нет бы позвонить и узнать, где и когда мы можем встретиться. Вместо этого брожу в поисках общих знакомых. Пока безуспешно.

Покупаю мороженое – обычный пломбир в стаканчике – и откусываю кусочки, спасаясь от жары. В горле сладкая прохлада, голова горячая и тяжёлая от солнца и бегающих по кругу мыслей.

Что я ему скажу? Мы не виделись полгода, и я соскучилась? Бред. Вот она я, всё осознала и поняла, что мне одиноко? Ещё больший бред. Это лишь депрессия и гнёт неуёмного либидо.

Прошлого не вернуть, но жить в одинаковом настоящем уже опостылело.

Присаживаюсь на лавку в парке. Наблюдаю за гонимыми ветром комками тополиного пуха. Пальцы липкие от мороженого, лавка нагрета солнцем, пух щекочет тело. Наверное, это даже можно назвать блаженством. Не возвышенным, которое описывают книги, а обычным тихим блаженством. Квинтэссенция простоты бытия, будь оно неладно.

– Привет, – слышу я давно и хорошо знакомый голос. А холодок по спине бежит так, словно в первый раз.

– Привет, Клим, – отвечаю я. – Как жизнь?

– Бьёт ключом и другими мелкими металлическими предметами, – улыбается он. И смотрит так... вопросительно.

– Понятно. А у меня не бьёт. Идёт и идёт. Как-то так.

– Ясно.

И молчим. И ведь хотим друг другу что-то сказать. По крайней мере я хочу. Но молчим.

– Давно не виделись.

– Да.

– А ведь сколько раз собирались встретиться.

– То одно, то другое, – говорю я и пожимаю плечами.

Он кивает, и вновь молчим. И улыбаемся. Как дикторы на телевидении, когда им ещё не успели сказать, что пошёл эфир. Молчат и улыбаются. Вот только в отличие от них у нас текст не написан, а потому слова скомканы, формулировки туманны и вообще не про то.

– Может, прогуляемся? – предлагает он наконец.

– Почему бы и нет.

И вот мы идём по парку, как раньше. Только не держимся за руки и не выставляем напоказ наше счастье.

– Как твои?

– Всё так же. Дедушка стареет, дядя всё такой же странный и рассеянный, папа всё ещё полон сил и планов.

Клим не знает, что у меня три отца. Эту тайну я не доверила даже ему. Может быть, если бы рассказала, всё сложилось бы иначе.

– Привет тебе передавали, – добавляю я.

– Ты ко мне шла? – спрашивает он после паузы.

– Нет. Просто в город прогуляться, – вру я. – Это на случай если вдруг встретишься. И вот ты вдруг встретился.

– Знаешь, – он останавливается и берёт меня за руку. – Я всё хотел тебе позвонить, но не решался.

На безымянном пальце жёлтое кольцо. На безымянном пальце его правой руки жёлтое кольцо. Обручальное.

– Или жена не разрешала? – я спрашиваю насмешливо, а сама думаю: «Дура! Ну какая же ты, Алина, дура. Решила, что за эти полгода он не найдёт себе новую? Нашёл. И даже жениться успел. Позвонить он хотел, тоже мне».

– Жена? – смущение. Торопливо убирает руку в карман. Затем так же торопливо достаёт и пытается снять кольцо.

– Как зовут-то хоть?

– Нету никакой жены, – кольцо наконец-то сползает с пальца и исчезает в кармане. Только нет в этом смысла.

– Не волнуйся. Сейчас я уйду, и никто не скажет, что ты гулял по парку с другой. А то ведь ревновать будет.

– Да некому ревновать! – почти кричит он. А мне уже всё равно. Спокойно и легко, будто тяжкий груз упал. Всё правильно. Он сделал выбор и сумел меня забыть. Ну, или сумел забыться. Мне давно пора сделать то же самое, а не жить прошлым.

– Что, совсем неревнивая? – улыбаюсь. – Ладно. Прощай, женатый мужчина. Поболтаем в другой раз.

– Подожди, – он бросается за мной.

– Уйди! – резко обрываю. – Уйди. Исчезни. Сгинь. Тебя нет. Был и сплыл. Ясно?

– Но...

Я почти бегу, оборачиваюсь и вижу, как он с размаху бросает кольцо куда-то в кусты. Кривится от досады и злости. Интересно, что скажет жене?

А может, действительно нет никакой жены? Впрочем, неважно. Мне легко и спокойно. Я плыву по знойному городу в направлении воды. Жаль, что не взяла купальник, но это ничего. Можно просто побродить по берегу, чувствуя, как ветер доносит брызги, а волны касаются ног.

Мне легко и спокойно, только почему-то противно...

* * *

Домой возвращаюсь после полуночи. Долго бродила, стараясь не думать ни о чём. Получалось не очень.

Вот и сейчас, открывая дверь, я всё ещё прокручиваю в уме слова Клим. Позвонить и спросить про жену? Пожалуй, не стоит. И в этом решении нет гордости, слабости или желания не выглядеть душой. Это просто понимание свершившегося факта, с которым лучше смириться.

Хотя нет. Именно гордость и всё остальное. А ещё подсознательная иррациональная тяга к страданию. «Люди любят страдать, – говорил иногда Папа-П. – и они думают, что это их облагораживает. Но только ничего они не облагораживают. Жить в радости гораздо сложнее».

– Повидались? – спрашивает Папа-Б. – Гляжу, не очень прошло.

Он сидит в гостиной. Один, в полной темноте. Лишь глаза чуть подсвечены луной.

– Какая разница?

– Ты моя дочь.

– Что-то ты редко это говоришь.

– А это входит в список вещей, которые надо говорить постоянно? Извини, не знал. Я же не сообщаю каждый день – солнце встало.

Он прав, конечно, да только что мне сейчас до его правоты?

– Прошлого не вернёшь, – отвечаю я.

– Конечно, – тут же соглашается Папа-Б. – Тогда что ты собираешься делать?

– У меня есть выбор? Жить настоящим и надеяться, что всё изменится.

– Какая глубокая и выверенная гражданская позиция, – его манера иронизировать порой меня бесит. – А если подумать о будущем?

– В будущем всё будет не так.

– А как? – чуть наклоняет голову и смотрит прищурившись.

– Не знаю.

Он тихо смеётся, показывая, что я ошибаюсь.

– Я хотел бы попросить тебя об одной вещи. Завтра прогуляйся до города ещё раз. Днём. И опять до вечера.

– Зачем?

Он не отвечает. Встаёт и идёт в свою комнату. Словно подачку бросает мне: «Потому что завтра что-то случится». Папа-Б редко говорит прямо, когда есть возможность заставить меня подумать.

По его мнению именно это называется «воспитанием».

* * *

Папа-Б ушёл, и теперь я сижу на том же самом месте и смотрю в темноту. И наверняка мои глаза так же блестят в свете Луны.

«Завтра что-то случится». Мне очевидно, что именно произойдёт, как и понятны причины, приведшие к этому.

Прошлого не вернуть, а жить настоящим слишком тоскливо. «А если подумать о будущем?» – спросил Папа-Б...

Что ж, в таком случае у меня перед глазами идеалистическая картина. Дом, все трое моих отцов и Клим. Мы живём, радуемся, находим новые идеи. Я наконец-то посвящаю Клима в семейную тайну, и он начинает работать с моими отцами. Не над тем, чем сейчас заняты они, а над чем-нибудь другим. Столь же интересным и головоломным. А я ухаживаю за цветами, убираюсь по дому, хожу в город за продуктами, готовлю моим мужчинам еду и смотрю на их наполненные жизнью лица. Не потому, что мне прям вот нравится это делать, и не потому, что я сторонница патриархального уклада. Просто я всё равно не понимаю до конца, чем они занимаются, так что лучше приносить пользу там, где умеешь.

Вот что я думаю о будущем.

«Тогда делай всё, чтобы это случилось!» – отчётливо слышится у меня в голове. Подсознание разговаривает со мной голосом Папы-Б, и я не удивлена. Гораздо больше изумления приносит то, что такая, казалось бы, совсем простая мысль вдруг заставляет моё сердце биться чаще.

Если кто-нибудь объяснял бы мне это, тот же Папа-Б, к примеру, я пропустила бы его слова мимо ушей. Поучения, да ещё и завернутые в столь простую философию, всегда вызывают скуку. Но сейчас я сама дошла до этого, а значит, не могу так просто отмахнуться.

Я достаю телефон и набираю номер, который уже с десятков раз удаляла, но всё равно возвращала, из-за боязни забыть. Трубку снимают практически моментально, будто сидели и ждали.

– Клим, мне нужна твоя помощь, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Сейчас?

– Да. Можешь подъехать к озеру?

– Хорошо.

Он не задаёт никаких вопросов, и я очень благодарна ему. Сама же не могу не спросить.

– Ты правда не женат?

– Да. Это...

– ...не объясняй. Не надо. Потом.

– Я буду минут через двадцать, – говорит он после паузы.

– Хорошо.

* * *

Я крадусь в темноте, словно преступник. Озеро в пяти минутах от дома. Оно настолько маленькое, что это скорее пруд, но все упорно называют его озером.

Сажусь под ивой, нависающей над водой импровизированным шалашом, – наше с Климом любимое место. Здесь он точно меня найдёт.

Ветви колышутся над водой, и в свете лунной дорожки видна снующая мошкара. Изредка быстро и резко проносятся летучие мыши, вышедшие на ночную охоту.

Вскоре подъезжает машина, останавливается, и фары гаснут. Слышны шаги, и вот Клим уже сидит рядом со мной. Я не могу сдержаться и молча прижимаюсь к нему, а он, спустя мгновение, обнимает.

– Рассказывай, – говорит чуть слышно.

– Нам надо прокрасться в подвал и кое-что там сломать так, чтобы мои... – я хочу сказать отцы, но машинально, как всегда в разговоре с Климом, проглатываю. – Чтобы мои не успели помешать.

– И что же это такое? – спрашивает он.

– Машина времени.

Сейчас он должен усмехнуться, спросить меня о самочувствии или подумать, что лучшего повода для встречи я не смогла найти. Но вместо этого Клим произносит фразу, после которой я понимаю, что действительно люблю его. И буду любить всегда, что бы ни случилось.

– Почему бы и нет...

* * *

Пока мы идём к дому, я рассказываю Климу историю своей семьи. Перепутанную и закрученную в клубке времени.

– Мама умерла, когда я родилась. И я осталась с отцом. Насколько я знаю, мы жили, в общем-то, неплохо, вот только он никак не мог забыть маму. Я говорю, что знаю, но не помню этого. Потому что как-то отцу удалось построить машину времени, и он отправился в прошлое, надеясь спасти мать, но у него не получилось. И в результате оказалось, что у меня два отца, один из которых на двенадцать лет старше другого.

А дальше тот отец, который и был в прошлом, сумел разобраться в устройстве машины и отправился в будущее – поэтому я называю его Папа-Б, чтобы предотвратить временной парадокс и перехватить Папу-П перед тем, как он отправится в прошлое. Так он думал, по крайней мере. Но у него тоже ничего не вышло.

Он запрограммировал машину, чтобы она вернула Папу-П в тот же момент, из которого он стартовал. Тогда бы никто никуда не отправился и, соответственно, Папа-Б никогда бы не попал в будущее. Но где-то вкралась ошибка, и появился Папа-Н. Который живёт одни сутки, а на следующие, в восемь тридцать три, исчезает и тут же появляется вновь. И ничего не помнит, кроме того, что происходило с ним до того, как он вошёл в машину.

Папе-Б не оставалось ничего другого, кроме как разыскать Папу-П, который, оставшись один, воспитывал меня по второму кругу и отвечал на неудобные вопросы друзей, почему он выглядит старше.

Так, в двенадцать лет, я узнала, что у меня три отца, один из которых живёт единственным днём, второй воспитывал меня дважды, а третий пропустил половину моей жизни.

– Мне всегда казалось странным, что все твои родственники очень похожи, но я не думал, что всё так запутанно, – говорит Клим, и я чувствую: несмотря на все сомнения, он верит. – Вот только зачем ломать машину времени?

– Потому что они хотят попробовать ещё раз. Попытаться сделать так, чтобы остался только один. С памятью всех или нет – не знаю, да и не важно это. Я привыкла, что у меня три отца. Они разные, и каждого я люблю по-своему. Но ведь время странная штука. Может быть, ничего не получится, может быть, они исчезнут, а может, действительно останется только один. И возможно, случится ещё кое-что.

– Что?

– Мы никогда не встретимся, – я чувствую, что Клим крепче сжимает мою руку.

Тихонько входим в дом, стараясь никого не разбудить, и спускаемся в подвал. Я зажигаю свет, показывая Климу на стоящую в углу машину. Массивная круглая площадка, внутри которой запрятаны механизмы и вынесенный наружу пульт настройки.

Подбираю обломок трубы, отдаю его Климу, а сама хватаю гаечный ключ с верстака. Мы подходим ближе, и я чувствую, что мне не хватает смелости сделать первый удар.

Выручает Клим. Он резко, с выдохом, бьёт по пульта, и металл прогибается. А секунду спустя мы уже вместе исступлённо, словно погрузившись в религиозный транс, наносим удар за ударом. Подбадриваем друг друга криками и, кажется, улыбаемся от дикого, не похожего ни на что, животного счастья.

* * *

Как ни странно, но на шум никто не сбегался, хотя наш погром наверняка слышно далеко вокруг. Мы тяжело дышим и сидим на обломках машины времени. Варвары, вторгшиеся в Рим, чтобы разрушать и властвовать.

– Так что насчёт жены? – спрашиваю я в ожидании, пока кто-нибудь из отцов – а то и все вместе – не спустится и не застигнет нас на месте преступления.

– Говорю же, нет никакой жены, – отзывается Клим.

– А кольцо?

– Это всё твой папа придумал. Который Папа-Б, – уточняет он.

– В смысле? – что-то не нравится мне в этой истории. Теперь осталось понять, что именно.

– Когда мы перестали общаться, я как-то встретил его в городе. И он сказал, что ты меня любишь, но не ценишь этого. Что тебе надо время подумать, осознать и понять. А потом спросил: буду ли я ждать.

– И ты?..

– И я ответил, что согласен. И я ждал. Мы изредка встречались, и он говорил, что ещё не время. Посоветовал купить обручальные кольца.

– Зачем? – спрашиваю я, и запоздало понимаю причину. Оказывается, у меня папа сводник. Как интересно. Однако почему он не спускается?

– Именно, – кивает Клим. – И одно, которое для себя, я носил. Не знаю почему, захотелось так. А вчера отец твой позвонил и сказал, что ты ушла в город. Посоветовал найти. Я и нашёл, вот только кольцо для тебя забыл, а своё не снял.

– Подожди, – останавливаю я его, потому что начинаю кое о чём догадываться. – А он что-нибудь ещё говорил, мой отец?

– Что в скором времени, возможно, всем им придётся уехать, а ты останешься. И я буду тебе нужен. Ну, я так понимаю, из-за машины времени. Теперь-то они никуда не денутся.

– Не денутся, – откликаюсь я. – Потому что уже делись.

«Прошлого не вернуть», – говорил Папа-П. Он и не хотел больше ничего возвращать. Папа-Н устал жить в вечном настоящем, а что касается Папы-Б, то он наверняка решил, что я уже взрослая девочка, которой давно пора жить самостоятельно. И с чего я взяла, что они собираются воспользоваться машиной времени? Она не принесла им ничего хорошего, так что отцы наверняка придумали нечто новое.

– В смысле делись? – недоумённо переспрашивает Клим.

– Долго объяснять. Пошли поищем их или... – проглатываю «то что от них осталось» и заменяю на другое. – Его.

Мы поднимаемся по лестнице и слышим чьи-то шаги. Я волнуюсь настолько, что не могу понять: один это человек или несколько. Клим сжимает мою руку, и по крайней мере в одном я уверена точно – он рядом.

Я перестала мечтать о возвращении прошлого. Не перечеркнула, но переосмыслила.

Больше не живу одним лишь настоящим, дёргаясь, словно попавшая в паутину муха.

Я строю своё будущее, и пускай первая попытка оказалась не до конца удачной, но никто не запретит мне пробовать снова и снова.

Букварь Янки

– А если... – начала было Янка.

– Без «если», – прервал Бричиков. – Кстати, если хочешь – кури.

Янка достала из сумочки пачку и закурила, закинув ногу на ногу.

– Всё будет хорошо, – сказал Бричиков и улыбнулся.

Естественно, Янка ему ни черта не поверила. В свои семнадцать она уже научилась «не верить». Однако улыбнулась в ответ, затаилась и покорно кивнула.

Банк был маленьким, уютным. Это успокаивало и настораживало одновременно.

Янке захотелось выругаться, и она чертыхнулась. Затем, поддавшись настроению, выругалась ещё раз. Сидевшая неподалёку «мадам» посмотрела на неё, поджала губы, но ничего не сказала. Специально для неё Янка выматерилась в третий раз, выделяя каждую букву.

Бричиков должен был прийти с минуты на минуту, а она так и не начала действовать. «Твою жеж мать», – вздохнула Янка и пошла к стойке, почти коснувшись по пути охранника. Тот вздрогнул, но в её сторону так и не посмотрел. Продолжая притворяться «богатой испорченной девочкой», Янка наклонилась к операционному окну.

Кассир улыбнулся ей, косясь глазами в вырез.

– Скажите «а», – попросила она.

– Что?

– Скажите «а».

– А, – улыбнулся кассир. – Это шут...

Глаза его стали круглыми. Без всяких метафор. Два идеальных белых круга, в каждом из которых горела буква «А».

– Молодец, – прошептала Янка, обернулась, поймала взгляд охранника и улыбнулась ему, после чего развернулась обратно. – Давай, быстро складывай деньги. Ещё быстрее! Ну! – торопила она.

Кассир старался. Наконец деньги кончились, и он тщательно завернул их в пакет, передавая Янке.

– Бинго! – сказала она.

Тотчас в глазах кассира «Б» сменило «А». Он развязно посмотрел на неё и подмигнул. «Забавно», – подумала Янка, – «Надо запомнить».

Чья-то рука опустилась ей на плечо. Янка повернула голову и увидела перстень с иероглифом.

– Всё нормально? – спросил Бричиков.

– У нас всё в ажуре, папаша, – ответил кассир и подмигнул.

Бричиков спрятал деньги в карман и показал ему перстень.

– Нормальная печатка, – одобительно кивнул тот, и глаза его помутнели.

– Уходим, – сказал Бричиков.

Янка шла и чувствовала взгляд охранника. Он продолжал пялиться на её ноги.

Вася нравился всем, а не только Янке. Красивый, добрый, соблазнительный до дрожи в коленках.

– Можешь помочь? – спросила Янка, поймав его после школы.

– Чем?

– Дома надо шкаф переставить. Я одна не справлюсь.

– Конечно.

Предлог был удобный. После смерти матери Янке всё приходилось делать самой. Бричиков помогал только с «заработками».

– Сейчас идём?

– Нет, жду вечером. Часов в пять.

– Хорошо.

Янка купила вино и фрукты. Убралась в квартире и подгадала так, чтобы выйти из душа к приходу Васи.

– Ну, и где шкаф? – спросил он.

– В спальне.

На столике стояла бутылка вина и фрукты. Свет был приглушён. Янка в халатике присела на кровать.

Вася был красивым, добрым, соблазнительным до дрожи в коленках, наивным и ни черта не понимал намёков.

– Куда двигать? – спросил он.

– Никуда. Иди сюда,.

Вася подошёл и встал рядом с кроватью.

– А долго стоять? Меня дома ждут. Я к ЕГЭ готовлюсь.

Янка встала, обхватила его руками и притянула к себе.

– Бинго! – сказала она, смотря ему в глаза, и поцеловала.

Сильные руки сжали её и полезли под халатик.

– Покувыркаемся, детка, – утверждающе сказал Вася.

Они «кувыркались» часа три, пока Янка не поняла, что уже больше не может. Тело устало и болело, а агрессивный Вася нравился ей всё меньше и меньше.

– Хватит, – попросила Янка.

– Ещё нет, – он притянул её к себе.

– Прекрати!

– Только когда захочу!

– Всё! – крикнула Янка, всматриваясь в горящую «Б» в безумных глазах.

На миг ей показалось, что там уже «В». Затем Вася обмяк и упал на кровать.

– Ты чего? – спросила Янка. Вася не отвечал. – Ты спишь? – она чуть придвинулась. – Что случилось?

Пульс не прощупывался. Искусственное дыхание и массаж сердца Янка делать не умела, но честно пыталась. Не помогло. Тогда она набрала номер Бричикова и сказала: «Приезжай!»

Ушла в ванную, включила душ, усердно скоблила себя мочалкой и плакала.

Бричиков выслушал её, вынес труп на улицу и несколько раз ударил его по голове найденной возле мусорки палкой, не забыв обчистить карманы.

Гроб стоял на двух табуретках. Янка долго не решалась подойти, а как только сделала шаг, перед ней появилась Васина мать.

– Уйди! – почти прошипела она. – Уйди, гнида! Это к тебе он пошёл. Это из-за тебя всё.

Янке хотелось плюнуть ей в глаза, но она сдержалась.

– Он ушёл. Сказал, что всё будет нормально, – она старалась, чтобы голос не дрогнул.

– Уйди! – не сдавалась мать.

Накатила усталость, и Янка почувствовала облегчение. Не надо стоять здесь и мучиться из-за того, что произошло. Но уйти просто так было слишком.

– Гори в аду, – сказала Янка. Повернулась и вышла.

Через три дня женщина умерла. Каждый день температура повышалась, и сбить её было невозможно. Медики качали головой, разводили руками и устраивали дискуссии. Янка пыталась вспомнить: слышал ли кто-нибудь разговор. Вроде бы, нет

Она позвонила Бричкову и сказала, что хочет переехать. Пускай подсуется. Опекун, как-никак.

– Дом, – заявила Янка. – Мне нужен дом.

– Ну, дом так дом, – пожал плечами Бричков. – Только сначала надо будет ещё одно дельце проверить.

– Хорошо. – Янка кивнула.

В квартиру она не возвращалась, жила у Бриčkова. Школу тоже забросила: считать-писать умеет, а диплом, если понадобится, купит.

– Делишки делать будем. Да, – сказала Янка. – Но сначала мне нужно подстричься.

Она распустила волосы и показала Бричкову, как именно. Он пожал плечами и фыркнул. У него это здорово получалось.

– Ещё, – попросила Янка.

Бричков посмотрел на неё, но всё же налил коньяк в стакан. Янка выпила залпом, скривилась и закурила, развалившись в кресле.

Сегодня она убила трёх человек.

Простое слово «всё» убивало идеально. Главное, смотреть в глаза. Инкассаторы посмотрели.

Она не хотела их смерти, но Бричков сказал, что иначе нельзя. Могут вызвать подмогу. «Заставить сказать „А“ куда сложнее», – убеждал он. – «Их надо убить. Ты же хочешь дом?»

Дом Янка хотела, но не до такой степени. А сейчас ей и вовсе было на него наплевать.

– Я так и не выучила других слов, – сказала она.

– И не надо, – Бричков махнул рукой. – Этих четырёх хватит. Даже двух. Вряд ли нам ещё понадобится, например, «Бинго!».

– Сука.

Бричков улыбнулся. Янка ненавидела, когда он так делал.

– Всё! – сказала она, глядя ему в глаза.

В ответ ей погрозили пальцем.

– Не забывайся. Ты колдуешь, а я расколдовываю.

– Я могу справиться и без тебя.

– Уже справилась пару раз, – Бричков опять улыбнулся.

– Сука, – повторила Янка. – Налей ещё.

Он налил. И наливал до тех пор, пока она не отключилась.

Ёлка стояла посреди комнаты. В мешке с песком, как положено. На ней висели старые игрушки, которым лет больше, чем Янке.

А под ёлкой лежала мама. Узел завязанного сзади халата торчал, и казалось, что мама не умерла, а притворяется подарком.

В тот раз, в прошлом, Янка так и подумала. Сейчас, во сне, она уже знала правду.

Мама умерла. Врачи сказали, что это был сердечный приступ. Оно устало, «износилось», и всё.

Янка знала, что бывает от слова «всё». С этой мыслью она и проснулась.

Голова пульсировала. Хотелось пить. Или даже выпить.

Янка встала – Бричков её так и оставил в кресле, не раздевая и не укладывая – и прошла в туалет. Посмотрела на себя в зеркало, усмехнулась и почувствовала, что боль усилилась. «Ну тебя», – подумала она.

Бричков был на кухне. Пил кофе с тостами и читал газету. Он всегда так завтракал. Одинаково до абсолютизма.

– Бричиков, – позвала Янка.
– Что, херово? – спросил он, не отрываясь от газеты.
– Бричиков, это ты мою маму убил?
В этот раз на неё посмотрели. Целую секунду.
– Дура, – прокомментировал он. – Оно мне надо? Я бы сейчас жил куда спокойней.
Янка кивнула и пошла в душ. Она тоже так думала.

Жизнь налаживалась постепенно.

Бричиков купил Янке дом в частном секторе. Она не ходила в школу, а устроилась на курсы парикмахеров. Как-то встретила на улице бывшего одноклассника. Тот заметил её, поменялся в лице и поспешил скрыться в ближайшем переулке. Сначала Янке стало смешно, а потом сразу и резко – грустно. Но она сдержалась.

Дни шли, а деньги инкассаторов не кончались. Янке даже начало казаться, что они будут всегда, а значит – больше не понадобится никого убивать. Можно работать в парикмахерской, затем подружиться с кем-нибудь, выйти замуж. Прожить нормальную человеческую жизнь без горящих в глазах букв.

Она думала так три месяца, пока однажды не появился Бричиков. Растерянный и суетливый. Янка сразу поняла, что сейчас он скажет что-то плохое.

И Бричиков её не подвёл.

– Зачем? – опять спросила она. – Ну, нахрена ты туда поёрся, а?
– Я же не знал, – огрызнулся Бричиков. – Я не всемогущ и не всеведущ.
– Зато строишь из себя!
– Ты тоже!

Они сверлили друг друга взглядами. Первым сдался Бричиков.

– Ладно, – сказал он. – Надо сваливать. В другой город или другую страну – неважно. Денег хватит. А там уже придумаем что-нибудь.

– Что-нибудь! – передразнила Янка и почувствовала, как накатывают слёзы. – Идиот ты, Бричиков. Идиот, каких мало.

В очередной раз за последний год жизнь рушилась. Приходилось стребать обломки в кучу и надеяться, что ничего не потерялось.

Идиотизм заключался в том, что Бричикова позвали на ток-шоу, и он пошёл. Видный специалист по НЛП и гипнозу всё-таки.

В какой-то момент, устав слушать байки и домыслы, он рассказал им, что это всё суета сует и томление духа. НЛП и гипноз лишь жалкое подобие древнего человеческого умения управлять людьми. Название его потеряно в веках, но сила порой пробуждается стихийно. И человек может сам не осознавать, что он делает. Но его будут слушаться.

Это складывается из жестов, интонации, тембра, визуального контакта – из всего. Человек думает, что ведёт себя естественно, а между тем заставляет других выполнять свои приказы. И неосторожно брошенное им слово способно даже убить.

– И такие люди появляются до сих пор, – сказал он, присаживаясь на место.

Но тут же пришлось встать. Аудитория принялась задавать вопросы, перекрикивая друг друга. Бричиков получил свою минуту славы.

А после передачи неприметный молодой человек подошёл и пригласил Бричикова прийти завтра и пообщаться. «Об одной нашей общей знакомой», как он выразился.

И Бричиков сразу всё понял. И, что ещё хуже, молодой человек тоже понял, что Бричиков понял. Улыбнулся и сказал, что будет ждать встречи.

«Телезвезда» запаниковал, собрал вещи, долго петлял по городу и приехал в итоге к Янке, чтобы вместе с ней убежать ещё дальше.

Йошкар-Ола Янке не понравилась. Совсем. Город красивый, чистый, но вместе с тем какой-то вялый.

Бричиков снял квартиру для себя и дом для Янки. Но это было уже не то. Настолько не то, что хотелось плакать.

Она и плакала.

Костя появился в жизни Янки так естественно, что не вызвал никакого удивления.

Однажды она осознала, что идёт домой, а пакеты несёт незнакомый парень. Короткая стрижка, чуть худощавый, смеющиеся глаза. Потом он приготовил ужин на двоих, сделал расслабляющий массаж и ушёл.

Это оказалось полной неожиданностью для Янки. Она понимала, к чему идёт вечер, и даже внутренне была готова, но Костя ушёл.

Янка ходила по дому и пыталась придумать причину, которая бы его оправдывала, но ничего не получалось. У него просто не было повода уходить.

– Что-то с тобой не то, – сказала Янка непонятно в чей адрес.

Два дня спустя она обнаружила Костю возле дома. Он сидел на лавочке и листал журнал. Янка заставила себя пройти мимо, поминутно ожидая оклика, но его не последовало.

Когда она вернулась через несколько часов, стопка журналов увеличилась. Янка поставила пакеты на землю и села рядом. Ещё минут двадцать она ждала, когда он обернётся.

– Что там? – спросил Костя, указывая на пакет.

– Картошка, лук, свёкла, мясо, зелень, колбаса, сыр... – начала перечислять Янка.

– Борщ? – перебил Костя.

– Борщ.

Он встал и опять ушёл, а Янка пошла готовить борщ.

Когда Костя пришёл с вещами, она как раз накрывала на стол.

– Люблю, – сказала Янка. – Просто люблю.

Костя улыбнулся.

– А ты не говоришь, что меня любишь, – обиделась Янка.

– Я не знаю.

– Ну вот!

Янка вылезла из-под одеяла и, ступая на цыпочках, подошла к окну.

– Не обижайся. И не усложняй. Нам хорошо, так есть ли разница, как это называть – любовь или что-то ещё?

– Демагог, – сказала Янка.

– Ещё какой, – согласился Костя.

– Самовлюблённый эгоист?

– Возможно.

– Боишься признаться самому себе?

– Боюсь впасть в зависимость.

Янка обернулась и медленно прошла назад, присела на кровать. Внимательно посмотрела на Костю. Тот продолжал улыбаться.

– Тогда ладно, – сказала она наконец. – Хватит того, что я впадала в зависимость от тебя. Но если ты вдруг захочешь сказать мне «люблю», я с удовольствием это выслушаю.

– Хорошо, – ответил Костя, перестав улыбаться. – Обещаю.

Он протянул руку и попытался дотронуться пальцем до носа Янки. Она поймала палец губами и чуть прикусила. Костя несколько секунд любовался получившейся картиной.

– Дурочка, – наконец сказал он и тихо засмеялся. – Ай! Янка, мне же больно!

– Сейчас я тебе покажу, что такое боль! – пообещала она.

И обманула.

Мама оставила Янке квартиру, сиротство и Бричикова в качестве опекуна. Он приехал, пахнувший чем-то противно-приторным и замелькал «по делам». Организовал похороны, поминки, уладил все «бумажные вопросы», со всеми обо всем договорился и лишь тогда нашёл время пообщаться с Янкой.

– Привет, – сказал он.

– Ага, – кивнула Янка.

– Я вроде как теперь твой опекун. Не в смысле по бумажкам, а так. Лезть к тебе в жизнь не собираюсь. Доживёшь до восемнадцати, и помашем друг другу ручкой. А пока буду помогать, если попросишь.

– А если не попрошу?

– Значит, не буду. Я и без того занятой человек. Просто когда-то я знал твою мать и был ей кое-чем обязан, потому и приехал.

– Чем обязан?

– Может, когда-нибудь расскажу.

– Точно не будешь лезть?

– Обещаю.

– Тогда договорились.

Они пожали друг другу руки, и Янка впервые со смерти матери вздохнула чуть свободней.

– Нам он только помешает! – убеждал Бричиков.

– Костя ничем не мешает.

– Это пока. А как ты ему объяснишь, откуда у тебя деньги?

– Он не спрашивает!

Янка сложила руки на груди и отвернулась.

– Пойми, сейчас не то время. Нам остался всего один рывок. Последний. Большой куш и разбегаемся в разные стороны.

– Так чем Костя нам в этом мешает?

– Он поедет за тобой куда угодно, не задавая вопросов? – Бричиков испытующе посмотрел на Янку. Она промолчала. – Не знаешь? Рекомендую узнать.

– Посмотрим, – буркнула Янка. – И вообще, это не твоё дело.

– Моё! – жёстко отрезал Бричиков. – Сейчас это наше общее дело. Мы с тобой пока ещё в связке. Хочешь ты того или нет.

Янка собиралась сказать, что не хочет, но не смогла. Бричиков в своё время изменил её жизнь, и сейчас она уже не представляла её другой.

Осень на целую неделю решила сделать перерыв, неожиданно подарив ноябрьское потепление. Костя и Янка гуляли по парку, а под ногами шуршала опавшая листва.

– Ты можешь ответить мне на один вопрос? – спросила Янка чуть отстранённо.

– Могу.

– Тогда ответь честно: если бы я тебе предложила убежать вместе со мной неизвестно куда и, самое главное, ни о чём не спрашивать и делать всё, что я скажу. Чтобы ты тогда сказал?

– Не знаю. Ты же не спрашиваешь.

– Считай, что спросила.

Она остановилась и развернула Костю лицом к себе. Он улыбался, как обычно. Янка нахмурилась и требовательно посмотрела ему в глаза.

– Я жду.

– Такие вопросы сразу не решаются.

– Дурак! – Янка отвернулась.

– Ну вот, опять ты всё усложняешь.

– Да, усложняю! Потому что у тебя всё выходит как-то слишком просто. Ты хоть раз сделал что-нибудь, чтобы «усложнить»?

– Я переехал к тебе – сказал Костя.

– О, да! Это, наверное, было суперски сложно!

Костя промолчал, и Янка поняла, что он не пойдёт за ней. Слишком много сложностей. Куда больше, чем просто переехать к одинокой девчонке, которую смог заинтересовать. Косте хотелось «жить вместе и чтоб было хорошо», а Янка жаждала большего.

– Иди-ка ты на хер! – сказала она.

– Что?

– Что слышал! Иди. На. Хер... Хотя нет. Я сама пойду. Вещи как-нибудь зайди забрать.

Янка высвободила руку и пошла. «Ну, давай же!» – думала она, – «Догони, останови, скажи всё, что хотел сказать! Ну!»

А Костя не догонял. Янка знала, что он всё ещё стоит и смотрит ей вслед. Это ведь так просто.

Приехавший Бричиков застал её погружённой в меланхолию. Янка сидела возле телевизора и тарасилась в экран. Там рассказывали про пауков.

– Познаёшь мир?

– Бричиков, ты паук, – буркнула Янка, не отрываясь от экрана.

– На чём основан вывод?

– Ты заманил меня в свои сети и теперь высасываешь кровь. Но не сразу, а потихоньку, чтобы я подольше помучилась.

– Я смотрю, телевизор прививает тебе образность мышления.

Бричиков поставил стул напротив Янки и уселся, загородив экран. Снял очки, протёр и вернул на место. Стёкла сверкнули, отразив свет люстры. Янке почудилось в этом что-то зловещее.

– Эй! Не видно же!

– Посмотришь в другой раз. Надо поговорить.

– О чём?

– О деле. Я так понимаю, твой драгоценный возлюбленный с нами не едет? – Бричиков обвёл комнату руками.

– А вдруг он просто вышел?

– Ага. И ты в ожидании его смотришь телевизор с таким видом, будто бы из тебя действительно что-то высосали.

Янка попыталась улыбнуться, но, судя по реакции Бричикова, получилось не очень.

– Мы расстались.

– Отлично! Ой, прости, я не это хотел сказать.

Она устало посмотрела на него, подразумевая: «Ой, ну мне-то можешь не врать. Ты ска- зал именно то, что хотел».

Бричиков поспешил перевести разговор в другую плоскость.

– Так вот. О деле. Рискованно, но если всё пройдёт так, как надо, то больше нам ничего не понадобится. И можно будет зажить спокойно. Правда, сначала куда-нибудь уехать подальше.

– Это я с радостью, – сказала Янка. – С превеликим удовольствием свалю.

Рана была не опасной, но болезненной. Бричиков хромал, а Янка шла рядом, придерживала и изображала не то дочку, не то молодую жену. Рану обмотали янкиной блузкой, а кровь на чёрных джинсах слабо заметна. Зато дырку от пули было видно.

А началось всё неплохо. Они вошли в банк, попросили отвести их к управляющему, сказав, что собираются открыть счёт. Бричиков продемонстрировал деньги, которые у них оставались. Этого хватило, чтобы клерк осознал серьёзность клиентов и их намерений.

Управляющий подробно рассказывал им об истории банка, о знаменитых вкладчиках, о перспективах и о том, конечно же, что здесь деньги будут в сохранности. В этом Янка серьёзно сомневалась и всё косилась на Бричикова, ожидая, когда он подаст сигнал.

Наконец Бричиков улыбнулся и поднял руки вверх, показывая, что сдаётся и принимает предложение.

– Скажите «а», – попросила Янка.

Управляющий посмотрел на неё и улыбнулся.

– Зачем тебе?

– Просто интересно.

– Ну, а.

– Без «ну», пожалуйста.

Управляющий посмотрел на Бричикова. Тот развёл руки в стороны. Мол, вот такая она у меня.

– А.

И в его глазах зажглась «А», от которой Янка уже успела отвыкнуть.

– А сейчас ты проведёшь нас внутрь хранилища, – сказала она.

Управляющий кивнул, встал и пошёл, а они пошли за ним, пытаясь казаться естественными. Глупое слово. Никогда не нравилось Янке.

– Сука! – выкрикнула Янка, когда охранник выстрелил в ногу Бричикову. Неизвестно что именно насторожило охранника. Может быть, он тоже увидел букву «А» в глазах управляющего, а может – именно в этот момент сошёл с ума.

– Сука! – ещё раз повторила Янка, смакуя слово. Охранник навёл на неё пистолет.

– Не то, – прошипел Бричиков сквозь зубы. – Не то говоришь.

И тогда Янка сказала: «Всё!». И повторяла на обратном пути, если кто-нибудь только смел взглянуть в их сторону. Её трясло от злости и запоздалого страха.

Когда они вышли из банка, в живых там мало кто остался. Орала сирена, а они продолжали идти. Прохожие уступали дорогу, стараясь не смотреть в глаза.

«Это вы правильно», – думала Янка – «А не то я вам тоже всё скажу. Скажу „всё“, и вас не станет». Она не видела себя со стороны, но чувствовала, что левая часть лица живёт своей жизнью. Дёргается и щерится в усмешке. Правую Янка контролировала и сохраняла спокойной.

– Бесполезно, – сказал вдруг Бричиков. – Беги, я их задержу.

– С чего это?

– Там были камеры. Они с лёгкостью поймут, кто это был. Беги. Одна, может, спасёшься.

– Я ни хрена не представляю, что дальше делать, – произнесла она медленно. – Понимаешь? Ни хрена! Так что, если хочешь, чтобы я спаслась, то будь добр – думай! Решил он тут поиграть в героев боевиков...

Бричиков усмехнулся, и Янка поняла, что он почти сдался.

Три минуты спустя они зашли в торговый центр, чтобы найти новую одежду. Пока Бричиков переодевался, Янка успела купить им обоим солнцезащитные очки. Он вернулся в ярко-красном спортивном костюме и жёлтых кроссовках. По мнению Янки, это был верх безвкусия.

– Зато вряд ли кто будет разглядывать лицо, – сказал Бричиков. – И тебе советую подобрать что-нибудь в таком духе.

Он повертел в руках очки.

– В ноября месяце, когда на улице пасмурно?

– Судя по одежде, мы с тобой два придурка, которым как-то параллельно до погоды и всего прочего.

Бричиков пожал плечами, надел очки и забрал у неё сумку с деньгами.

– Я поищу аптеку, – сказал он и захромал куда-то в сторону.

Янка поняла, что он держится из последних сил. Ещё немного, и Бричиков даже не сможет никуда идти.

«Ничего. Отсюда мы поедem на такси. Деньги есть», – подумала она, рассматривая нечто кислотно-зелёное, что в итоге оказалось осенней курткой. Вскоре нашлись и фиолетовые зауженные штаны, и оранжевые кеды. Янка накинула капюшон куртки, надела очки и не узнала себя в зеркале. «Это хорошо», – подумала она. Расплатилась и пошла искать Бричикова.

Он сидел за столиком местного кафе и о чём-то говорил по телефону.

– Я наглotalся лекарств и теперь вообще ничего не чувствую, – сказал Бричиков.

– Хорошо. Я вызываю такси.

– Не волнуйся, я вызвал, – он кивнул на телефон и спрятал его в карман. – А сейчас я хочу тебе кое-что рассказать.

Янке это не понравилось. Бричиков словно готовился к чему-то плохому, а потому спешил выговориться.

«Мы ещё повоюем», – подумала она со странной нежностью.

– У меня, как ты помнишь, были кое-какие дела с твоей матерью.

– Помню. Надеюсь, не станешь изображать Дарта Вейдера и утверждать, что ты мой отец?

– Нет. Хотя я знал его, но он умер.

– Мне так жаль.

– Не паясничай, – Бричиков поморщился.

– Ладно. Так что у вас с ней было за дело?

– Она работала медсестрой в психушке и позволяла мне ставить кое-какие опыты над больными. За хорошие деньги, разумеется. Мой папана вовремя подсуетился при перестройке, и я себе вполне мог такое позволить.

– Понятно. И зачем мне это знать? – Янка действительно не понимала.

– Меня что-то в последнее время напрягает, что я использовал и дочь, и мать.

– Совесть проснулась?

– Не знаю.

– Забудь. Оно того не стоит. Ты мне помог, так как считал нужным. У меня был выбор принимать помощь или нет. Как и у матери. Разве не так?

– Так.

Янка кивнула.

– Вот видишь, так что не стоит волноваться из-за ерунды

В этот момент зазвонил телефон. Бричиков выслушал, кивнул, словно его могли видеть, и сказал: «Выходим».

Фары старенькой «мазды» подсвечивали падающий снег. Бричиков открыл дверь, помог Янке сесть, а сам пошёл к водителю. Что-то тихо ему сказал, и машина резко рванула с места.

В первую секунду Янка ничего не поняла, зато во вторую поняла всё и очень отчётливо. «Тоже мне герой», – подумал она.

– Остановите! – приказала Янка водителю, но тот лишь прибавил скорость. – Остановите, я сказала.

Она пыталась поймать взгляд водителя, но сзади это было трудно. Вдобавок он предпочитал не смотреть в зеркало.

Тогда Янка вцепилась ему ногтями в шею. Водитель не отреагировал. Она надавила, стараясь задушить, и по хриплому дыханию поняла, что у неё получается.

Руки всё сжимались и сжимались. На шее стали видны следы от ногтей, и вскоре водитель остановился. Янка тут же дёрнула дверь – заперто.

– Выпусти! – крикнула она.

Водитель промолчал, а машина вновь тронулась с места. Янка нашла отвёртку в кармане водительского сидения и принялась бить в стекло, которое тут же покрылось сеткой трещин. На светофоре водитель всё же притормозил, и тогда Янка ударила его. Он вскрикнул, схватился за голову, и она ударила второй раз. Просунула руку вперёд, нажал кнопку центрального замка, открыла дверь и вышла на улицу.

Машина уже почти выехала из города.

Хозяин «жигулёнка», который остановился её подвезти, выслушав адрес, почему-то заволновался.

– Тебе зачем туда?

– Просто. Встреча назначена, – осторожно сказала Янка.

– Там сейчас от ментов не протолкнёшься. Какого-то грабителя схватили. Так он такое там устроил, что его прямо на месте и положили. И денег до сих пор не нашли. Не надо туда ехать.

– Хорошо, – покорно согласилась Янка. – Тогда высадите где-нибудь у автовокзала.

Она купила билет на первый же автобус, даже не вдумываясь, куда он идёт. Села и молчала всю дорогу.

А когда приехали, Янка встала и пошла. Куда-то. Теперь было всё равно. Для неё наступило своё персональное: «Всё!» И можно было даже ничего не говорить.

«Целым мир не будет никогда» – мысль мелькнула в краткий миг вернувшегося сознания. Янка прогнала непрошеного гостя, и всё опять стало никак.

Человек, который принёс ей деньги, был какой-то бесцветный. Он сам нашёл её, серой тенью скользнув рядом. Передал чемодан и сказал, что в нём всё. Что именно «всё» – не уточнял. Только добавил, что это от Бричикова.

– Его похоронили там, в Йошкар-Оле, – сообщил человек. – Было бы хорошо, если бы вы его навестили.

По голосу нельзя было понять – хочется ли этому человеку, чтобы Янка навестила Бричикова или нет. Он просто сказал и ушёл.

А Янка решила, что лично ей как раз хочется.

Штакетник покосился, хотя прошло всего лишь несколько месяцев. Янка очистила от снега памятник и с удивлением узнала, что Бричикова звали Иван. Нет, на самом деле когда-то она это знала, но привыкла называть его по фамилии и забыла.

– Дурацкое у тебя было имя, Бричиков, – сказала она.

Янка положила на снег одинокую белую лилию. Бричиков никогда не говорил, какие любит цветы, но его одеколон, по мнению Янки, пах именно лилиями.

Щеки мёрзли. Стянув перчатку, она провела по ним пальцами и нащупала корочку льда. «Я плакала», – подумала Янка. – «Наконец-то».

Знак был твёрдый, сделанный из железа. Надпись на нём сообщала, что до ближайшей остановки пятьсот метров. Янка ударялась в знак головой и твердила: «Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!».

Три месяца её жизни куда-то делись. Пропали и растворились. Раньше ей было всё равно, но сейчас она решила вспомнить. Ради Бричикова.

– **БЫЫЫЫ**, – говорит Янка, пытаясь вдохнуть. – **БЫЫЫЫААААУУУУ**.

– Крепко дерёт, да? – спрашивает грязный мужик, забирая у неё кружку. – Но зато согрелась. А сейчас ещё больше согреешься.

Он начинает растёгивать штаны, но торопится и никак не может справиться. Янке смешно, и она себя не сдерживает.

– Заткнись! – злится мужик.

– Пошёл ты...

Резкий удар по щеке. Что-то солёное во рту. Внутри просыпается злость.

Янка хватает мужика за грудки и смотрит ему в глаза. «Всё!» – выдыхает она.

И всё.

Мягкие знаки она вставляет в каждый глагол, не утруждая себя проверкой.

– Голубушка, – говорит доктор, забирая у неё бумагу. – Голубушка, если у вас проблемы с орфографией, это не значит, что вам нужна помощь врача.

Доктор смеётся, и Янка смеётся вместе с ним.

– А вы клёвый, – доверительно говорит она.

– Знаю, – отвечает доктор. – А теперь можно я вернусь к работе? Насколько я понял, с вами всё нормально.

– Хорошо, – говорит Янка. – Просто люди вокруг твердили, что я больная.

– Завидовали, – усмехается доктор. – Здоровье у вас, дай бог каждому.

Янка выходит из больницы и идёт дальше. Просто так. Надо же что-то делать.

Эклер она берёт, когда продащица отворачивается. Люди подсознательно хотят, чтобы у них что-то украли и сами создают возможность. Надо только разглядеть и воспользоваться.

Янка и пользуется.

Она бредёт, откусывая по чуть-чуть, и размышляет, где сегодня переночует. Вариантов много. Все квартиры города. Нужно только попросить сказать «А». Вот только расколдовывать назад Янка не умеет, а потому, уходя, говорит: «Живите, как обычно». Хотя многие и без этого так живут.

Неожиданно из пустоты выныривает серый человек и останавливается рядом с ней. И Янка не помнит, куда она идёт и зачем ей эклеры. Зато вспоминает, что Бричиков мёртв. Пакостно.

«Юность окончена», – подумала Янка.

Она не знала, какой вывод должен последовать за этой фразой. Может, и никакого. Сидела на остановке, мёрзла и ждала автобус. Вокруг мёрзли другие люди, но Янке не было до них никакого дела.

Юность окончилась, и автобус, который ждала Янка, должен был отвезти её во взрослую жизнь.

«Если красный – всё будет хорошо. А если синий – плохо», – загадала Янка. Автобус оказался серым, и она этому не удивилась.

Янка старательно рисовала последнюю букву. Окончив, критически её осмотрела, но осталась довольна. Рядом она изобразила штaketник, табличку и лилию на снегу.

Сидя на кровати в гостинице, Янка меланхолично перелистывала страницы и смотрела.

Напротив «А» – пустые глаза. Напротив «Б» – обнажённая девушка. «В» – могила с крестом...

Дойдя до последней страницы, Янка заплакала. Неожданное осознание всего того, что она сделала, вся её недолгая история, уместившаяся в тонкой тетради, ударили тараном, сломав выстроенную стену безразличия в один момент.

Это был очень долгий урок, ценой во множество жизней. И теперь надо было сделать правильные выводы.

«Главное, чтобы не зря. Чтобы Бричиков и другие не зря...»

Город засыпает

1

Двенадцать часов. Дана отложила хронометр – пора начинать.

– На пустынном берегу моря стоит женщина и держит в руке человеческий палец. Больше на берегу никого нет, но в море находится мужчина без пальца. Что здесь произошло?

Дана замолчала и оглядела аудиторию, чувствуя, как нарастает интерес.

Пожилая семейная пара принялась что-то шептать друг другу. Три подростка разом убрали телефоны в сторону и наконец-то посмотрели на Дану. Серьёзный молодой человек в очках достал из портфеля ручку и блокнот и начал записывать. Средних лет женщина отложила в сторону вышивку и чуть склонила голову, прислушиваясь.

Жаль, конечно, что их лишь семеро, однако в последнее время к Дане редко приходило больше десятка. Да и так много, если честно, только по праздникам или выходным.

Мало интереса, мало внимания и, как следствие, мало сил, чтобы это внимание поддерживать, а интерес пробуждать. Замкнутый круг, выхода из которого Дана пока не нашла.

Тем временем один из подростков поднял руку:

– Мужчина в море живой?

– Да, живой.

– На берегу ночь? – спросил его приятель.

– Это не имеет значения.

– Женщина сама отрезала этот палец? – а вот и пожилая пара подключилась.

– Нет, не сама.

– Палец ещё можно пришить обратно? – вновь первый подросток.

– Это не имеет значения.

– Мужчина в море плывёт к берегу? – спросил молодой человек в очках.

– Да, плывёт.

Вопросы на секунду прекратились. Пауза для размышления, которая вдруг наступала для всех и сразу, была привычна, но сейчас пауза требовалась и самой Дане. Лёгкое покалывание в сердце, начавшееся минуту назад, всё нарастало и не давало сосредоточиться. Приступ слабости, наступивший следом, оказался ещё заметней – вдруг закружилась голова и захотелось присесть.

– Мужчина в море, он счастлив, что остался без пальца? – спросил молодой человек в очках.

– Да...

Дана хотела выделить этот важный факт интонацией, но получился хрип. Ком в горле, язык ворочается еле-еле. Да что с ней такое, в конце концов?!

– Да, он счастлив. Это правильный вопрос, – тем не менее удалось продолжить фразу.

Вновь пауза. Дана незаметно сделала пару шагов назад и опёрлась рукой на стул. Стало чуть легче, и в груди колоть перестало. Однако ком в горле никуда не исчез, и приходилось до рези напрягать глаза, чтобы разглядеть собравшихся.

Подростки вновь склонились к телефонам. Пожилая пара сидела со скучающим видом. Женщина взялась за вышивку. Молодой человек протирает очки.

Внимание ушло, а интерес пропал.

Когда молодой человек убрал футляр с очками в портфель и поднялся, Дана поняла, что сейчас и остальные последуют за ним.

– Подождите, – сказала она, чувствуя лёгкое помутнение. – Вы же ещё не нашли ответ.

Они не обратили на неё внимания, словно не заметив. Люди стояли и смотрели друг на друга с лёгким удивлением, будто не помня, по какой причине собрались здесь вместе.

– Я дам вам подсказку, – Дана уже почти шептала. – Этот мужчина, который в море, он ведь не один.

Ей показалось на секунду, что молодой человек в очках приостановился. Слегка наклонил голову, словно прислушиваясь, а затем кивнул самому себе и двинулся дальше. Остальные не сделали и этого.

Через минуту Дана осталась одна в пустой комнате. Она по-прежнему чувствовала себя плохо, но приступ боли утих. Может, она просто привыкла? Хотя бы хватило сил, чтобы встать и подойти к окну.

Улица выглядела пустынно. Публика разошлась, не дожидаясь конца представления, в котором они и были основными участниками.

– Что произошло? – тихо спросила себя Дана.

Собственное смутное отражение в оконном стекле ответа не дало, а больше спросить было не у кого.

Сон не принёс облегчения. После двух-трёх часов, проведённых в дрёме, наполненной кошмарами, Дана чувствовала себя ещё более разбитой. С трудом встав с постели, она добралась до ванной и плеснула в лицо холодной водой. Помогло так себе.

Она прошла в комнату, заставленную стульями и креслами. Бывали времена, когда помещение забивалось людьми, а некоторые посетители просто стояли. Сейчас, хотя до следующего сеанса оставалось десять минут, на улице не видно никого, кто бы дожидался начала.

«Никто ведь не придёт, – подумала Дана. – Я это чувствую. Не знаю почему, но чувствую».

Накинув пальто, она подхватила сумочку и вышла на улицу. Искать аудиторию самостоятельно – это ей не в новинку. Конечно, много лет прошло с тех самых пор, когда Дана делала это в последний раз, но ничего страшного. Заодно прогуляется и, быть может, поймёт, что же случилось сегодняшним утром.

Идти было тяжело. Теперь боль сконцентрировалась в суставах. Колени дрожали, и приходилось тщательно выбирать место, куда ставить ногу. Любой неровный шаг отзывался резкой вспышкой боли. Дана оставалась только радоваться, что на ней удобные туфли с низким каблучком.

Вдобавок, трудно было держать спину ровно. В районе поясницы сконцентрировался ещё один сгусток боли. Стоит выпрямиться – и вот он, тут как тут.

Несмотря на холодный ветер, солнце к середине дня успело прогреть воздух – почти идеальное время для прогулок. Со всех сторон люди спешили по своим делам – на работу, в магазины, домой, куда-то ещё. Они разговаривали друг с другом, шутили и смеялись. Кто-то угрюмо молчал. Кто-то погрузился в виртуальный мир гаджетов, ничего перед собой не видя.

И нет ни одной подсказки к тому, что случилось с Даной.

Спустя несколько перекрёстков она остановилась возле входа в торговый центр. На секунду закрыла глаза и глубоко вздохнула. Вновь посмотрела на людей вокруг и постаралась улыбнуться самой приветливой улыбкой из тех, на которые способна.

«Это просто лёгкое помутнение. Упадок сил, не иначе. Всё, что сейчас необходимо – немного внимания и интереса. И тогда можно будет снова почувствовать себя живой и нужной», – придя к этому выводу, Дана пробежалась взглядом по людям, стоящим возле торгового центра, выискивая подходящую аудиторию. Увидела нескольких детей лет десяти и почувствовала облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.